

Ювенальная юстиция: риски внедрения

Цинченко Галина Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры социологии и социальной работы
Кандидат социологических наук, доцент
galina_ts55@mail.ru

РЕФЕРАТ

Анализ ювенальной юстиции на Западе показывает, что эта система значительно расширяет права суда и социальных служб при ограничении прав родителей. Социальные службы могут вторгнуться в любую семью и по формальным критериям отнять ребенка. Центральной идеологической категорией, регулирующей отношения между родителями и детьми, является приоритет прав детей над правами родителей. На основании анализа мнений зарубежных и российских экспертов по исследуемой теме показаны риски и угрозы внедрения ювенальной юстиции в России, негативные последствия изъятия детей из семей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ювенальная юстиция, ювенальный суд, права детей, ограничение прав родителей, социальные службы, органы опеки

Tsinchenko G. M.

Juvenile Justice: Risks of Implementation

Tsinchenko Galina Mihailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate professor of the Chair of Sociology and social work
PhD in sociology, Associate Professor
galina_ts55@mail.ru

ABSTRACT

Analysis of juvenile justice in the West shows that this system significantly expands the law court and social services while limiting the rights of parents. Social services can invade any family and formal criteria to take the child. The Central ideological category governing relations between parents and children is the priority of the rights of children above the rights of parents. Based on the analysis of the views of foreign and Russian experts on the subject showing the risks and threats of the introduction of a juvenile justice system in Russia, the negative effects of removal of children from families.

KEYWORDS

juvenile justice, Juvenile Court, the rights of children, restriction of rights of parents, social services, the tutorship

Введение

Основополагающей матрицей социализации в выработке социальных позиций личности, приобщении к социальным нормам и ценностям выступает семья. Семейная социализация является одним из самых первых и самых важных из всех социальных процессов, в которые «погружается» ребенок с момента своего рождения [13, с. 76]. Это «погружение» во многом определяет дальнейший жизненный путь ребенка.

Институт семьи изучается в рамках различных научных подходов и парадигм. В рамках фамилистической парадигмы институт семьи является базовой ценностью, в которой под семьей понимается социальная общность, основанная на кровном родстве, браке или усыновлении, члены которой связаны не только общностью быта, но и взаимной ответственностью за воспитание детей. Как социальный институт, семья представляет собой сложное социальное образование, имеющее специфическую устойчивую совокупность супружеских, родительских и родственных отношений, организационно оформленную для выполнения социально значимых функций. Именно этому институту социальной системы принадлежит главная и безусловная роль в воспитании и социализации детей.

В рамках парадигмы модернизации институциональные изменения семьи в процессе индустриального развития общества характеризуются в основном как «прогрессивные», не вызывающие никаких серьезных опасений относительно перспектив семьи как социального института, а семейная дезорганизация рассматривается лишь как проявления «недостатков адаптации», не затрагивающих сущность семьи и не требующих вмешательства на государственном уровне [10, с.17].

Напротив, фамилистическая парадигма, рассматривая институциональные изменения семьи как выражение кризиса, в качестве одной из актуальных проблем современности выдвигает необходимость проведения активной семейной политики, направленной на укрепление семьи как социального института, и возрождение семейных ценностей. Семья была и остается естественной средой для развития и благополучия детей, «наиболее стабильные черты личности обусловлены генетически и закладываются в семье» [17].

Взаимосвязь семьи и общества очевидна: эволюция семьи как социального института обусловлена развитием общества, а также спецификой социально-экономических и социально-политических процессов. В современном «обществе риска» семья гарантирует основополагающий социальный опыт [4, с. 82]. «Общество риска», состоящее из атомизированных индивидов, больше подвержено рискам, чем общество, в фундаменте которого лежит семейная организация.

В последние два десятилетия в России возросло количество семей, испытывающих серьезные затруднения при адаптации к нестабильным условиям социальной среды, что привело к небывалому росту социального сиротства, детской и подростковой преступности. Введение ювенальной юстиции в России предлагается как один из путей решения социальных проблем детства. Однако анализ зарубежного российского опыта показывает, что это может привести к увеличению количества детей, воспитывающихся вне кровных семей, неся риски воспроизводства атомизированных индивидов.

Целью написания данной статьи является попытка разобраться, какие риски и проблемы несет внедрение системы ювенальной юстиции в России. Недостаточное внимание юристов к социологической оценке может повлечь за собой много проблем, с которыми уже пришлось столкнуться системам ювенальной юстиции, действующим в некоторых странах [25, с. 178].

Ретроспектива опыта введения ювенальной юстиции

Острая дискуссия, возникшая в российском обществе при обсуждении возможности введения ювенальной юстиции и одной из ее составляющих — ювенальных судов, имела место и в начале XX в. После ряда преступлений, совершенных несовершеннолетними в начале XVIII в. и имевших широкий общественный резонанс [14, с. 10–11], в российское право пришло понимание важности статуса малолетства при оценке совершенных ими деяний. Началась систематизация данной отрасли права. Вплоть до XIX в. уголовные наказания несовершеннолетним в России

градиrowались и смягчались, но общеевропейская тенденция роста детской преступности, коснувшаяся и России, обнаружила перед обществом и правом ряд серьезных проблем.

Рост детской преступности в Европе был вызван капитализацией и сменой традиционного жизненного уклада. Так, во Франции за период с 1830-го по 1880 г. уровень преступности некоторых возрастных групп несовершеннолетних вырос на 247% [11, с. 82].

В России с середины XIX в. пытались изменить влияние тюремной среды на несовершеннолетних путем создания исправительных учреждений [5, с. 12], эффективность которых была весьма высока. Закон от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и порядков судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости»¹ ввел ряд новаций: дифференциацию санкций для разных возрастных групп несовершеннолетних, появление института отдачи под надзор родителей и других лиц, создание специальных исправительно-воспитательных учреждений, помещение несовершеннолетних преступников в монастыри их вероисповедания и работа с ними священнослужителей, обязательная судебная защита. Однако рост преступности несовершеннолетних заставил ученых искать альтернативу традиционной религиозно-философской русской правовой установке на Западе, уже столкнувшейся с этой проблемой ранее России [18].

Под воздействием западноевропейской и североамериканской правовой мысли стал формироваться принципиально иной взгляд на преступность несовершеннолетних. В ряде стран Европы, понимая, что сократить уровень преступности можно лишь путем сокращения ее рекрутирования и подъемом культурно-нравственного уровня, пошли путем «активного вмешательства общественной самодеятельности во внутрисемейные отношения» [20, с. 489]. Наряду с этим в Германии, Англии и США возникли конфессиональные общества для помощи воспитанию детей, нуждающихся в поддержке. В США появились нетрадиционные правовые тенденции: выделение особого судопроизводства для несовершеннолетних с выведением их в фактически суперправовую группу. В 1899 г. в соответствии с законом штата Иллинойс «Законом о детях покинутых, беспризорных и преступных и присмотре за ними» [16] в Чикаго был создан первый суд для несовершеннолетних. Вместо традиционных правовых мер, направленных на восстановление нарушенных преступлением отношений, включавших в себя в том числе и содержание под стражей, различными представителями общественности, проникшимися идеалами педологии, был предложен совершенно иной подход: несовершеннолетний преступник, наряду с детьми, лишенными надлежащей заботы, попадал в сферу попечения и воспитания для изменения нравственной мотивации и предотвращения возможности стать профессиональным преступником. Данная концепция нашла широкий отклик в разных странах, возбудив оптимистичные надежды на сокращение, а возможно, и полное искоренение детской преступности [18].

Вопрос о введении детских судов по западному образцу в России активизировало Санкт-Петербургское юридическое общество, в котором весной 1908 г. профессор П. И. Люблинский сделал доклад об особых судах для юношества в Америке и Западной Европе [9, с. 525], деятельность которых он изучал в течение ряда лет. В 1910 г. в Санкт-Петербурге открылся первый особый суд по делам малолетних, вслед за ним подобные суды появились в Москве и в других городах России. Деятельность этих судов привлекала широкое общественное внимание и вначале вызывала поддержку и высокую оценку, что нашло отражение в дореволюционной, а также в советской юридической литературе 1920-х гг. в работах П. И. Люблинского, С. В. Позднышева, М. Н. Гернета и др.

¹ Закон от 2 июня 1897 г. СПб., 1899. С. 77.

Однако практика детских судов подвергалась критике из-за трудностей в реализации правоустановленных полномочий и отсутствия специальных пенитенциарных учреждений, а также из-за судебного произвола при назначении малолетним преступникам реальных сроков вместо «воспитания и попечения». Россия оказалась в числе тех европейских стран, где преступность несовершеннолетних в первое десятилетие XX в. не снижалась, а росла: в возрастной группе от 10 до 17 лет — увеличение числа осужденных вдвое (взрослых осужденных — на 35%) [19, с. 17]. В Петрограде в 1915 г. в 1,5 раза выросла подростковая преступность по сравнению с 1906 г. [29, с. 304].

После революционных событий 1917 г., 17 января 1918 г., Декретом Совнаркома России ювенальные суды были отменены [15, с. 23]. Уличная преступность 1920-х гг., захлестнувшая страну, в которой самое активное и жестокое участие принимали несовершеннолетние, заставила пересмотреть гуманистические идеалы педологии. Попытки решить проблему виктимного поведения несовершеннолетних в новых политических условиях не увенчались успехом.

К позитивным результатам введения ювенальной юстиции в России и других странах в начале XX в. относятся, во-первых, усиление внимания общества к этой проблеме, развитие идей о специальной судебной юрисдикции для несовершеннолетних и, во-вторых, переход от карательной уголовной политики к политике воспитательной [29, с. 304]. Однако ни полного освобождения от наказания, ни принудительного изъятия государством детей из семьи, ставших камнем преткновения в практике современной ювенальной юстиции, российская ювенальная система начала XX в. не знала.

Международный опыт в области ювенальной юстиции

В Европе и Северной Америке деятельность детских судов практически была прервана Первой мировой войной с резким ростом подростковой преступности как следствием социальной катастрофы [12, с. 91]. После окончания Первой мировой ситуация несколько улучшилась.

После Второй мировой войны в Швеции, Франции, а позже в Канаде, США и иных странах ювенальная юстиция начала играть все более решающую роль в отношении несовершеннолетних, в том числе преступивших закон, постепенно вытесняя и традиционное уголовное право, как регулятор девиантных антиобщественных проявлений [18]. Так, во Франции с 1945 г. система ювенальной юстиции регулируется законом № 45-174 «О правонарушениях несовершеннолетних» [22] и ресоциализация подростка, совершившего правонарушение/преступление, является прерогативой, по отношению уголовного или иного преследования. До середины 1960-х гг. практика французских детских судов отличалась логикой и последовательностью, а назначаемые наказания немногим отличались от наказаний, назначаемых взрослым преступникам [21], но в 1958 г. законом, касающимся детей группы риска, несовершеннолетние правонарушители были фактически выведены из-под юрисдикции традиционного правосудия передачей в Управление воспитания несовершеннолетних, находящихся под надзором, которое было затем переименовано в Судебную защиту молодежи, состоящую сегодня из множества институтов. Деятельность Судебной защиты молодежи фактически аннулировала вероятность реального заключения на длительный срок под стражу несовершеннолетнего, совершившего преступление любой степени тяжести [8, с. 118]. Массовые беспорядки 2005–2007 гг., спровоцированные несовершеннолетними выходцами из стран Африки и Ближнего Востока, выявили проблемы в борьбе с подобными противоправными проявлениями: подростки, задерживаемые полицией ночью и передаваемые ювенальным судьям, утром оказывались на свободе и вечером вновь совершали правонарушения, в том числе

посягающие на органы и порядок государственного управления (нападения на сотрудников полиции, поджоги полицейских участков и муниципалитетов) [28, с. 36]. Французские правозащитники признают, что преступность во Франции растет. С 2002 г. женская подростковая преступность выросла во Франции на 140%. В 2007 г. во Франции 218 000 детей (до 18 лет включительно) нарушили закон. Это 17% от всех уголовных дел. 92 000 «детей в конфликте с законом» были защищены правозащитными ассоциациями (отпущены), 33 000 подлежат реабилитации, 7000 передано другим учреждениям (каким именно, пояснено не было), 2000 отправлено в центры «усиленного воспитания» и 3000 — в тюрьмы на три месяца (находятся в заключении лишь 680 человек из 218 000) [28, с. 23]. Французские судьи заявляют о необходимости лишения несовершеннолетних преступников свободы, как на один из элементов их воспитания и коррекции, количество осужденных растет [23, с. 32–39].

Ситуация, подобная французской, сложилась и в Скандинавии, особенно в Швеции. В Дании, Швеции, Норвегии еще в 1960-х гг. отмечался стремительный рост преступности несовершеннолетних [1].

В результате возникшего социального напряжения общественность и институты управления на местах пытаются противостоять данной ситуации. В Великобритании возраст уголовной ответственности снижен до 10 лет, уголовная ответственность несовершеннолетних ужесточается [4, с. 69]. На родине ювенальной юстиции, в США (штат Мичиган), до 7 лет снижена уголовная ответственность, а сами ювенальные суды отменены в большинстве штатов [15, с. 179]. США, апробировавшие «нерепрессивный подход», вынуждены теперь принимать законы, облегчающие передачу дел несовершеннолетних правонарушителей в суды для взрослых, что является следствием разочарования специалистов и общественности в реабилитационной доктрине как таковой [28, с. 23].

Особыми чертами французской ювенальной юстиции являются вмешательство в дела семьи и простота процедуры изъятия по решению суда из семьи несовершеннолетнего с девиантным поведением или без [22, с. 74–87]. В Докладе французскому правительству о положении дел в судах по делам несовершеннолетних и в социальных службах Генеральный инспектор по социальным делам П. Навес и Генеральный инспектор юридического отдела Б. Катала констатируют: «Колоссальное количество детей отнято у родителей и помещено в приюты и приемные семьи. Судьи и сотрудники социальных служб постоянно нарушают закон. Между законом и правоприменительной практикой существует огромная разница... Судьям нужно отбирать детей от родителей, потому что эффективность их работы оценивается количеством отнятых детей: чем больше детей они «защищают» от родителей таким образом, тем быстрее продвигаются по служебной лестнице». С 2000 г. число детей, изъятых социальными службами и судами, превысило 2 млн. Из них 50% по состоянию на 2007 г. незаконно [7], то есть ювенальная юстиция, юридически направленная на сохранение института семьи, в итоге на практике способствует ее разрушению.

Законы, дающие органам опеки в Швеции и других Скандинавских странах право изымать детей из семей и помещать в замещающие семьи или детские дома, были приняты в начале XX в. Шведские эксперты в 2012 г. обратились к Генеральному секретарю Совета Европы с Докладом о случаях изъятия детей из семей в Швеции и соседних Скандинавских странах. В докладе говорится о том, что с 1920 г. по настоящее время власти Швеции изъяли и насильно поместили в замещающие семьи свыше 300 000 детей, то есть ежегодно изымается около 4000 детей. Для страны с населением порядка 10 млн человек цифры представляются впечатляющими. В случае Норвегии, Финляндии и Дании эти цифры немного ниже.

Шведские эксперты называют помещение детей в приемные семьи «индустрией похищения и опеки детей» или используют термин «индустрия насилия над детьми и разрушения семей», имея в виду тяжелые психологические травмы, которые наносятся детям и их родителям¹. Подход, названный исследователями «теорией выслеживания монстров», вредит детям, родителям и самому обществу [30]. Так, например, «в Германии за последний год было отнято 70 000 детей, причем половина — за недостаточно хорошие материальные условия жизни ребенка. В пяти-миллионной Финляндии — 11 000» [28, с. 15].

Шведские эксперты отмечают, что «существуют отдельные случаи, в которых детей необходимо принудительно поместить в замещающие семьи, но подобные ситуации имеют место лишь в малой части всех случаев, подпадающих под юрисдикцию Закона о специальных нормах опеки несовершеннолетних. Во всех остальных случаях, когда у семьи возникают временные проблемы², можно и нужно было разрешить их гораздо менее радикальными способами³. В Докладе Комитета ООН по правам ребенка от 2009 г. в заключительных замечаниях к отчету Швеции члены Комитета ООН выразили озабоченность большим числом случаев изъятия детей и помещения в замещающие семьи или детские дома. Комитет рекомендовал Швеции принять меры по борьбе с причинами распространения таких случаев, сосредоточиться на защите семьи как естественной для ребенка среды и приложить усилия к тому, чтобы детей отдавали в замещающие семьи или детские дома лишь в тех случаях, когда это служит интересам самих детей⁴, такие же рекомендации получила и Норвегия в 2010 г.⁵

Исследования ученых, проводимые в течение многих лет, показывают, что разлучение ребенка с родителями не проходит бесследно. Психологическая травма, наносимая ребенку при разрыве с родителями, негативно отражается на его последующей жизни. У детей, разлученных с родителями в детстве, повышается риск развития психических и соматических расстройств (часто уже во взрослом возрасте) в 2–3 раза по сравнению с теми, кто не переживал подобной трагедии⁶. Ребенок, постоянно находящийся в разлуке с своими родителями, не благополучнее ребенка, находящегося в любой другой «неблагоприятной обстановке». Такой ре-

¹ Доклад о случаях изъятия детей из семей в Швеции и соседних Скандинавских странах Генеральному секретарю Совета Европы г-ну Турбьерну Ягланду Авеню дель Юрон F — 67075 Страсбург CEDEX Франция 10 декабря 2012 г.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.familypolicy.ru/read/1403> (дата обращения: 10.12.2012).

² См.: [33]; Rod sapis: klagomal mot socionomutbildningen under 1970-talet: [Электронный ресурс]. URL: http://nkmr.org/rod_sapis_klagomal_mot_socionomutbildningen.htm (дата обращения: 09.12.2013).

³ Доклад о случаях изъятия детей из семей в Швеции и соседних Скандинавских странах Генеральному секретарю Совета Европы г-ну Турбьерну Ягланду Авеню дель Юрон F — 67075 Страсбург CEDEX Франция 10 декабря 2012 г.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.familypolicy.ru/read/1403> (дата обращения: 10.12.2012).

⁴ Доклад Комитета ООН по правам ребенка, Швеция, 2009, п. 34-35: [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/crc/docs/co/CRC-C-SWE-CO-4.pdf> (дата обращения: 12.05.2014).

⁵ Доклад Комитета ООН по правам ребенка, Норвегия, 2010. Раздел 5. Семейное окружение и альтернативное попечение, п. 34-35. URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/crc/docs/CRC.C.NOR.CO.4.pdf> (дата обращения: 12.05.2014).

⁶ См. [32; 34]; Kvilhaug, Sverre: Tidlig atskillelse fra mor og langtidsutvikling av sykdommer. Tidsskrift for Den Norske Lægeforening (Раннее разлучение ребенка с матерью и долгосрочная перспектива развития заболеваний // Журнал Норвежской ассоциации медиков). 2007; Sjogren, Lena Hellblom, Studentlitteratur, 2012, Barnets ratt till familjeliv. 25 svenska fallstudier av foraldra-alienation, (Право ребенка на семейную жизнь в Швеции. Анализ 25 случаев разлучения детей с родителями). URL: <http://www.bokus.com/bok/9789144075426/barnets-ratt-till-familjeliv-25-svenska-fallstudier-av-foraldraalienation/> (дата обращения: 09.12.2013).

бенок подпадает под определение «заброшенный ребенок». Изъятие ребенка из семьи — радикальный шаг, поэтому должны быть установлены жесткие критерии как изъятия, так и вреда, который может быть нанесен ребенку неблагоприятной обстановкой в доме. Должны очень быть веские основания доказательства семейного неблагополучия. На практике чиновники социальных служб и лица, дающие рекомендации и принимающие решения об изъятии из семьи детей, не заинтересованы в подобном подходе. Это приводит к многочисленным неблагоприятным для детей решениям об изъятии их из кровных семей и передаче на государственное попечение, нарушая права детей на семейную жизнь¹. Пережив разрыв с родными семьями, дети из приемных семей Норвегии, когда выросли, объединились в Фонд жертв ювенальной юстиции и отсудили у государства более 60 млн евро за разрушенное детство².

В семье, как в любом социальном устройстве, модернизация социума может активизировать семена разрушения, которые содержатся в ней. Однако «под лозунгами самореализации и новых прав личности, появившихся в несметном количестве, рациональный индивидуализм и рациональный стиль мышления, столь действенные в прошлом, были кардинально усилены и видоизменены до неузнаваемости... Всего за несколько лет ориентацию западных политических кругов на семью среднего класса... сменила политика государственного вмешательства, которая под видом «войны с бедностью» повлекла за собой крушение семьи... поставившее большое количество людей в реальную и психологическую зависимость от государства... Великое множество обедневших жителей крупных американских городов, лишенных традиционной поддержки со стороны семьи и общины, опустились до преступлений, правонарушений, алкоголизма, наркомании, страдая от одиночества и неудовлетворенности...» [6, с. 98].

Ювенальная юстиция в современной России

С 1995 г. в России начинается процесс внедрения «системы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних», известной на Западе как система ювенальной юстиции, основанной на реабилитационной парадигме. Эта система включает в себя специализированные суды по делам несовершеннолетних, органы опеки, социальные службы со штатом социальных работников и психологов, общественные организации [2]. В это же время в России был создан первый ювенальный суд в Ростовской области и стали внедряться пилотные программы ювенальной юстиции в разных регионах России. В настоящее время эти программы идут в Москве, Санкт-Петербурге, Саратовской, Брянской и других областях, в Ставропольском и Красноярском краях, Чувашской Республике, Ханты-Мансийском автономном округе и других регионах.

В феврале 2002 г. Государственная дума РФ приняла в первом чтении федеральный конституционный закон РФ «О внесении изменений в федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»», предусматривающий создание специализированных ювенальных судов в системе федеральных судов общей юрисдикции. Ювенальные суды, согласно законопроекту, в пределах своей компетенции рассматривают уголовные, гражданские и административные дела, хотя бы одним из участников которых является несовершеннолетний. В ок-

¹ Sjogren, Lena Hellblom, Studentlitteratur, 2012, Barnets rätt till familjeliv. 25 svenska fallstudier av foraldraalienation (Право ребенка на семейную жизнь в Швеции. Анализ 25 случаев разлучения детей с родителями). URL: <http://www.bokus.com/bok/9789144075426/barnets-ratt-till-familjeliv-25-svenska-fallstudier-av-foraldraalienation/> (дата обращения: 09.12.2013).

² Астахов Л. Ювенальная юстиция не для России. URL: <http://www.kp.ru/daily/26084/2987270/> (дата обращения: 24.12.2012).

тябре 2004 г. законопроект в предварительном порядке рассматривался в Управлении делами Президента и поддержан не был. Однако в 2008 г. число изъятых детей, в том числе при участии ювенальных судов, по разным источникам, достигло 170 000 человек [27].

Необходимо подчеркнуть, что существующая система российского законодательства уже содержит в себе правоотношения, регулируемые традиционными нормами права: семейного, гражданского, уголовного, уголовно-процессуального, административного и других. В настоящее время 70% приговоров несовершеннолетние получают условно, причем количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных ими, растет, доходя до 50–60% (а по некоторым данным — и до 80%). Иными словами, подростки часто не попадают в колонию даже за тяжкие и особо тяжкие преступления. Даже сторонники введения ювенальной юстиции обращают внимание на провоцирующую к новым преступлениям сторону условного осуждения несовершеннолетних [28].

Ежегодно около 1 млн подростков доставляются в органы полиции за правонарушения [27]. В стране наблюдается устойчивая тенденция роста и уровня преступности среди несовершеннолетних. В сравнении с 2005 г. рост преступлений среди несовершеннолетних составляет 44%. Обоснованную тревогу вызывает значительное число тяжких и особо тяжких преступлений среди несовершеннолетних, которые составляют почти 26% от общей преступности несовершеннолетних [18]. Система ювенальной юстиции не сможет решить эти задачи, потому что она борется с последствиями, а не с причинами этих острых социальных явлений.

Видится опасным и возможное вмешательство в дела семьи. Идеологи ювенальной юстиции выступают за жесткий внеправовой контроль над семьей, утверждая полезность такого вмешательства [27, с. 31], что противоречит Семейному кодексу РФ (ст. 63 и 64), прямо указывающему, что именно родители представляют интересы своих детей и защищают эти интересы от возможных нарушений. Более того, защита интересов детей — прямая обязанность родителей. Это вытекает из ст. 38 Конституции, гласящей: «Забота о детях, их воспитание — равно право и обязанность родителей». И право это преимущественное перед любыми лицами, как физическими, так и юридическими.

На протяжении многих веков отношения детей и родителей исторически менялись, но во все времена родители распоряжались судьбой детей. Государство законодательно регулировало отношения наследства и совсем не интересовалось «качеством воспитания». В середине 1980-х гг. принимаются программы содействия семьям, начинает планироваться новая политика контроля — впервые в государственной политике оформляется дискурс ответственности родителей за ребенка и качество его воспитания [31]. В ратифицированной Россией международной Конвенции о правах ребенка (1989) прослеживается сравнительно новая концепция либеральной юриспруденции: полная автономия детей, приравнивание их прав к правам взрослых. Такая концепция способна спровоцировать необратимый разрыв «отцов» и «детей». Параллельно происходит расширение границ дозволенного, ценности действительно меняются [28]. По мнению уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка П. Астахова, система ювенальной юстиции пришла в Россию из Европы. «В начале 1990-х у нас появились беспризорники, росла преступность: детская и против детей. Вот тогда Совет Европы стал предлагать нам свои рецепты. Например, в странах Скандинавии приняты «законы о благополучии детей». Они дали возможность по звонку или заявлению изымать ребенка из семьи родной и передавать в приемную. Позиция государства там такова: не важно, кто родил, но, если ребенку плохо, мы отдадим его в другую семью, потом, если понадобится, в третью, четвертую, пятую. Главный постулат: «Права ребенка выше остальных

прав». Нам это не подходит в силу исторических и культурных особенностей развития.»¹.

В Концепции государственной семейной политики на период до 2025 г. отмечается, что «само по себе наличие несовершеннолетнего ребенка в семье становится достаточным основанием для бесцеремонного вмешательства представителей органов опеки и попечительства, органов внутренних дел во внутренние дела семьи, проникновения в жилище, постановки на учет семей, находящихся в социально опасном положении, и контроля за такой семьей, в том числе с применением мер индивидуальной профилактической работы как к детям, так и к родителям»². Эта практика, ассоциируемая в общественном сознании с «ювенальной юстицией» или произвольным вмешательством чиновников во внутренние дела семьи, подрывает авторитет родительской власти, противопоставляет права детей правам родителей и вызывает обоснованный общественный протест» [18].

Государственная дума РФ из-за протестов общественности отклонила ряд «ювенальных» поправок и законопроектов, но ювенальная юстиция работает через систему исполнительной власти и некоммерческих организаций. Имеют место десятки случаев изъятия детей у родителей по причине бедности [28, с. 71], но оснований считать, что ребенку лучше жить в чужой семье или в государственном учреждении, нет. Государство имеет право на вмешательство в семейную жизнь, если родители сами не могут защитить детей от преступных посягательств, в случае угрозы жизни, здоровью или нравственному состоянию ребенка. При этом действия государственных органов должны быть основаны на четких и однозначных правовых критериях. Лучший способ предупреждения возникновения любых проблем и разрешения большинства из них — помощь проблемным семьям, поддержка здоровой семьи и крепких связей детей и родителей. В России за последние 20 лет накоплен значительный опыт помощи неблагополучным семьям, позволяющий одновременно защитить ребенка и способствовать сохранению семьи. Этот опыт может быть задействован в большей степени в современном обществе. Обеспечение социального благополучия семьи и детей должно стать приоритетом государственной политики на федеральном и региональном уровне. Активно функционирующая семья — это основа устойчивого развития общества, его стабильности и процветания [3].

Заключение

Необходимость изменения системы наказания несовершеннолетних преступников не вызывает сомнения: наказание не должно ожесточать детей, пополняя ими криминальное сообщество. В большинстве случаев реабилитационный подход с привлечением квалифицированных специалистов по отношению к малолетним правонарушителям вместо карательного должен быть направлен и на изменение ситуации, которая привела к правонарушению, чтобы избежать рецидива. Острыми проблемами современного общества стали жестокое обращение родителей со своими детьми, тяжелое положение несовершеннолетних в детских домах и местах лишения свободы. Однако в ряде государств введение ювенальной юстиции противоречит основам национального конституционного права, гарантирующего защиту семьи, материнства и детства. Последствия деятельности ювенальной юстиции выходят за

¹ Астахов П. Ювенальная юстиция не для России. URL: <http://www.kp.ru/daily/26084/2987270/> (дата обращения: 24.12.2012).

² Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (общественный проект): В 3 частях. Ч. 1 / Сост. Е. Б. Мизулина и др. М., 2013. URL: <http://www.komit2-6.km.duma.gov.ru> (дата обращения: 23.05.2014).

границы той специфической области (правосудия в отношении несовершеннолетних преступников), для которой она предназначалась, и распространяются на смежные области, в первую очередь семейную, которые явно не брались в расчет изначально, но «в силу действительной взаимосвязанности этих областей дальнейшее распространение последствий на прилежащие области оказывает обратное воздействие на базовую ценностную систему. Это обратное воздействие обычно упускается из виду, но именно оно конституирует важнейший элемент процесса секуляризации, трансформации и разрушения базовых ценностных систем» [20].

Законодательные гарантии прав ребенка базируются на принципах поддержки семьи в целях обеспечения воспитания детей и защиты их прав. Современная западная система ювенальной юстиции в целом основана на приоритете прав ребенка по отношению к правам родителей, что подчас приводит к ущемлению прав и интересов родителей и семьи в целом.

Кризисное вмешательство должно больше ориентироваться на баланс автономии семьи и безопасности ребенка за счет гибких форм принятия решений, вариативности мер ограничения прав родителей и регуляции детско-родительского общения.

Сегодня, как никогда, актуальны положения Декларации о правах ребенка и положения Конвенции о правах, в которых зафиксировано понимание семьи и ребенка: семьи как основной ячейки общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей, которой должны быть предоставлены необходимые защита и содействие, с тем чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества. Проблемы детей не в отсутствии ювенальной юстиции, а в разрушении семейных ценностей [24, с. 227–228].

Современная система защиты детей — это многослойная конструкция с плюрализмом дискурсов и сложной системой институтов, обусловленными самим ходом истории. Анализ ювенальной юстиции в развитых странах показывает, что «институт может использовать разные идеи для легализации своей деятельности, однако выбор таких идей не свободен, а обусловлен такими факторами, как развитие других сопряженных институтов и пространства идей, имеющихся к dispozici» [26, с. 32].

Р. Мертон предупреждал, что «в силу взаимосвязанности областей дальнейшее распространение последствий на прилежащие области оказывает обратное воздействие на базовую ценностную систему. Это обратное воздействие обычно упускается из виду, но именно оно конституирует важнейший элемент процесса секуляризации, трансформации и разрушения базовых ценностных систем. Сущностный парадокс социального действия заключается в том, что реализация ценностей может привести к отречению от них» [20]. В сложной организации семейной жизни тесно переплетаются социальные, психологические, бытовые, физиологические, финансовые, культурные и другие факторы. Вмешательство в эту деликатную область может повлечь за собой ошибки, перегибы, злоупотребления в отношении детей, нарушение естественной социализации. Следует осторожно подходить к перспективе внедрения и развития механизмов ювенальной юстиции, оценивая последствия нововведения исходя из семейных ценностей. В национальном и международном законодательстве прочно закреплено преимущественное право родителей на воспитание детей, ущемление которого не приемлется широкими кругами общества.

Литература

1. *Ананиан Л. Л.* Преступность несовершеннолетних в Скандинавских странах. М.: Наука, 1974.
2. *Базаров Р. А.* Преступность несовершеннолетних: криминальное насилие, меры противодействия. Научное издание. Екатеринбург: Екатеринбургская высшая школа МВД России, 1995.

3. Безрукова О. Н., Самойлова В. А., Ивашкина Ю. Ю., Курганова Г. С. Трансформация моделей семьи и родительства и концептуализация семейной политики // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса / Рос, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: Рос, 2012. 1 CD ROM. <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part22.pdf> (дата обращения: 22.12.2013).
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. Беляева Л. И. Становление отечественной школы предупреждения преступлений несовершеннолетних (середина XIX — начало XX в.) // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 3 (12).
6. Бергер Б. Нуклеарная семья как первооснова цивилизации в исторической перспективе // Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология. 2003. № 1. С. 98.
7. Бондаренко Н. Н., Медведева И. Я., Шишова Т. Л. Ползучий государственный переворот: Аналитическая записка по проблеме введения в РФ ювенальной юстиции. 2009. URL: <http://www.kreml.org/other/230767157> (дата обращения: 23.11.2013).
8. Борисова Н. Е. Ювенальная юстиция в России: проблемы становления. М.: Манускрипт, 1998.
9. Бочаров Ю. М. Первые особые суды по делам о малолетних в России // Дети-преступники / Под ред. М. Н. Гернет. М.: В. И. Знаменский и Ко, 1912.
10. Вишневский А. Г. Эволюция семьи в СССР и принципы семейной политики // Семья и семейная политика / Сб. статей. под ред. А. Г. Вишневского. Демография и социология. Вып. 1. М.: ИСЭПН, 1991.
11. Гернет М. Н. Дети-преступники. М.: В. И. Знаменский и Ко, 1912.
12. Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР. М.: Сов. Законодательство, 1931.
13. Гидденс Э. Социология 90-х: учеб. Челябинск, 1999.
14. Гуревич С. А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники / Под ред. М. Н. Гернета. М.: В. И. Знаменский и Ко, 1912.
15. Гуськова А. Н., Емельянов В. А., Юрченко Л. В. Уголовно-процессуальные вопросы организации ювенального судопроизводства в современной России. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009.
16. Карнозова Л. М. Ювенальная юстиция: содержание понятия и перспективы в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 3. С. 3–7.
17. Кон И. С. Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности. учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979.
18. Котов О. Ювенальная юстиция: исторический опыт и современные проблемы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 5 (24) / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2010.
19. Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923.
20. Мертон Р. Социальные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 6–13.
21. Орлов В. С. Преступность несовершеннолетних в капиталистических странах // Преступность несовершеннолетних и борьба с ней в зарубежных странах / Под ред. Д. С. Карева. М.: Изд-во МГУ, 1961.
22. Садовникова М. Н. Как работает ювенальная юстиция во Франции // Неволя. 2006. № 8. С. 74–87.
23. Туре де Куси Ф. Режим отбывания наказания для несовершеннолетних во Франции // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 4 (13). С. 32–39.
24. Цинченко Г. М. Ювенальная юстиция как альтернатива семейной идеологии // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения: Труды VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 21–23 ноября 2013 г. Т. 8, ч. 1. СПб.: Изд-во Политехнич. университета, 2013. С. 106–108.
25. Шипунова Т. В. Ювенальная юстиция в социологической перспективе // Правоведение. СПб., 2001. № 3 (236). С. 178–184.
26. Шмидт В. Обреченные на турбулентность: идеи и институты защиты детей на постсоветском пространстве // Политика семьи и детства в постсоциализме. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2014. 283 с.

27. Ювенальная юстиция: за или против? Стенограмма онлайн-конференции. Новосибирск, 28 января 2010 г. // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 3 (29).
28. Ювенальная юстиция: суть проекта. М.: Концептуал, 2011.
29. Ювенальные технологии. М.: Российский благотворительный фонд НАН, 2002.
30. Edvardsson B. Factors in investigative communication with children. 2009. P. 1. What are the basic problems? URL: <http://oru.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:228065> (дата обращения: 09.12.2013).
31. Hardt G. A. Observations on the training of social workers. 1958. <http://www.nkmr.org/english/observations-on-the-training-of-social-workers.htm> (дата обращения: 09.12.2013).
32. Madison B. D. Social Welfare in the Soviet Union. Stanford: Stanford University Press, 1988.
33. Stilo Simona A. et al. Social disadvantage: Cause or Advance Access published October 22, 2012.
34. Tyrka Audrey R. et al. Childhood Adversity and Epigenetic Modulation of the Leukocyte Glucocorticoid receptor: Preliminary Findings in Healthy Adults. Plos One 7 (1) e30148, 2012.

References

1. Ananian L. L. *Criminality of minors in the Scandinavian countries* [Prestupnost' nesovershennoletnikh v skandinavskikh stranakh]. M.: Science [Nauka], 1974. (rus).
2. Bazarov R. A. *Criminality of minors: criminal violence, counteraction measures* [Prestupnost' nesovershennoletnikh: kriminal'noe nasilie, mery protivodeistviya]: Scientific publication. Yekaterinburg: Ekaterinburg Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Ekaterinburgskaya vysshaya shkola MVD Rossii], 1995. (rus).
3. Bezrukova O. N., Samoylova V. A., Ivashkina Yu. Yu., Kurganova G. S. *Transformation of models of a family and parenthood and conceptualization of family policy* [Transformatsiya modelei sem'i i roditel'stva i kontseptualizatsiya semeinoi politiki] / Sociology and society: global challenges and regional development: Materials of the IV Russian sociological congress [Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: Materialy IV Ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa]. M.: RSS, 2012. 1 CD ROM. <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part22.pdf> (date of the address 22.12.2013) (rus).
4. Beck U. *Society of risk. On the way to other modernist style* [Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern] / translation from German. V. Sedelnik and N. Fedorova. M.: Progress-Tradition [Progress-Traditsiya], 2000. (rus).
5. Belyaeva L. I. *Formation of domestic school of the prevention of crimes of minors (the middle of XIX — the beginning of the XX century)* [Stanovlenie otechestvennoi shkoly preduprezhdeniya prestuplenii nesovershennoletnikh (seredina XIX — nachalo XX v.)] // Questions of Juvenile Justice [Voprosy yuvenal'noi yustitsii]. 2007. No 3 (12). (rus).
6. Berger B. *The nuclear family as a civilization fundamental principle in historical prospect* [Nuklearnaya sem'ya kak pervoosnova tsivilizatsii v istoricheskoi perspective] // Bulletin of the Moscow State University. Series 18. Sociology and political science [Vestnik Mosk. Un-ta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya]. 2003. N 1. P. 98. (rus).
7. Bondarenko N. N., Medvedeva I. Ya., Shishova T. L. *Creeping revolution. An analytical note on a problem of juvenile justice implementation in the Russian Federation* [Polzuchii gosudarstvennyi perevorot. Analiticheskaya zapiska po probleme vvedeniya v RF yuvenal'noi yustitsii]. 2009. URL: <http://www.kreml.org/other/230767157>. (Date of the address 23.11.2013) (rus).
8. Borisov N. E. *Juvenile justice in Russia: formation problems* [Yuvenal'naya yustitsiya v Rossii: problemy stanovleniya]. M.: Manuscript, 1998. (rus).
9. Bocharov Yu. M. *The first special courts on cases of juveniles in Russia* [Pervye osobyie sudy po delam o maloletnikh v Rossii] // Children criminals [Deti-prestupniki] / Under the editorship of M. N. Gernet. M.: Publishing house "V. I. Znamensky and Ko" [Izd-vo «V. I. Znamenskii i Ko»], 1912. (rus).
10. Vishnevsky A. G. *Evolution of a family in the USSR and the principles of family policy* [Evolutsiya sem'i v SSSR i printsipy semeinoi politiki] // Family and family policy [Sem'ya i semeinaya politika] / Collection of articles. Under the edition of A. G. Vishnevsky. Demography and sociology [Demografiya i sotsiologiya]. V. 1. M.: ISESP RAS [ISEPN], 1991. (rus).
11. Gernet M. N. *Children criminals* [Deti-prestupniki]. M.: Publishing house "V. I. Znamensky and Ko" [Izd-vo «V. I. Znamenskii i Ko»], 1912. (rus).

12. Gernet M.N. *Criminality abroad and in the USSR* [Prestupnost' za granitsei i v SSSR]. M.: Soviet Legislation [Sov. zakonodatel'stvo], 1931. (rus).
13. Giddens A. *Sociology of the 90th* [Sotsiologiya 90-kh]: tutorial. Chelyabinsk, 1999. (rus).
14. Gurevich S.A. *Responsibility of young criminals in the Russian legislation* [Otvetstvennost' yunyh prestupnikov po russkomu zakonodatel'stvu] // Children criminals [Deti-prestupniki] / under the editorship of M.N. Gernet; M.: Publishing house "V.I. Znamensky and Ko" [Izd-vo «V.I. Znamenskii i Ko»], 1912. (rus).
15. Guskova A.N., Yemelyanov V.A., Yurchenko L.V. *Criminal procedure questions of the organization of juvenile legal proceedings in modern Russia* [Ugolovno-protsessual'nye voprosy organizatsii yuvenal'nogo sudoproizvodstva v sovremennoi Rossii]. Orenburg: Publishing center of the OSAU [Izd. Tsentr OGAU], 2009. (rus).
16. Karnozova L.M. *Juvenile justice: the content of concept and prospects in Russia* [Yuvenal'naya yustitsiya: sodержanie ponyatiya i perspeivy v Rossii] // Questions of Juvenile Justice [Voprosy yuvenal'noi yustitsii]. 2007. N 3. P. 3–7. (rus).
17. Kon I.S. *Psychology of youth age: problems of formation of the personality* [Psikhologiya yunosheskogo vozrasta: Problemy formirovaniya lichnosti]. Tutorial for the student of pedagogic institutes. M.: Education [Prosveshchenie], 1979. (rus).
18. Kotov O. *Juvenile justice: historical experience and modern problems* [Yuvenal'naya yustitsiya: istoricheskii opyt i sovremennye problem] // Journal of the foreign legislation and comparative jurisprudence [Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya]. N 5 (24) / Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation [Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii]. M., 2010. (rus).
19. Lublinsky P.I. *Fight against crime in children's and youth age* [Bor'ba s prestupnost'yu v detskom i yunosheskom vozraste]. M.: Legal publishing house of People's Commissariat of Justice [Yuridicheskoe izd-vo Narkomyusta], 1923. (rus).
20. Merton R. *Social consequences of deliberate social action* [Sotsial'nye posledstviya prednamernennogo sotsial'nogo deistviya] // Sociological Journal [Sotsiologicheskii zhurnal]. 2009. N 2. P. 6–13. (rus).
21. Orlov V.S. *Criminality of minors in the capitalist countries* [Prestupnost' nesovershennoletnikh v kapitalisticheskikh stranakh] / Crime of minors and fight against it in foreign countries [Prestupnost' nesovershennoletnikh i bor'ba s nei v zarubezhnykh stranakh] / under the editorship of D.S. Karev. M.: Publishing house of the Moscow State University [Iz-vo Mosk. Un-ta], 1961. (rus).
22. Sadovnikova M.N. *As the juvenile justice in France works* [Kak rabotaet yuvenal'naya yustitsiya vo Frantsii] // Captivity [Nevolya]. 2006. N 8. P. 74–87. (rus).
23. Toure de Coussi, François. *The mode of serving of punishment for minors in France* [Rezhim otbyvaniya nakazaniya dlya nesovershennoletnikh vo Frantsii] // Questions of Juvenile Justice [Voprosy yuvenal'noi yustitsii]. 2007. N 4 (13). P. 32–39. (rus).
24. Tsinchenko G.M. *Juvenile justice as alternative of family ideology* [Yuvenal'naya yustitsiya kak al'ternativa semeinoi ideologii] // Health — a basis of human potential: problems and ways of their decision. Works of the VIII Russian scientific and practical conference with the international participation [Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya. Trudy VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem]. November 21–23, 2013. V. 8, part 1; SPb.: Publishing house of Polytechnical University [Izd-vo Politehnicheskogo universiteta], 2013. P. 106–108. (rus).
25. Shipunova T.V. *Juvenile justice in sociological prospect* [Yuvenal'naya yustitsiya v sotsiologicheskoi perspective] // Jurisprudence [Pravovedenie]. SPb., 2001. N 3 (236). P. 178–184. (rus).
26. Schmidt W. *Weirled to turbulence: ideas and institutes of protection of children on the former Soviet Union* [Obrechennye na turbulentnost': idei i instituty zashchity detei na postsovetском prostranstve] // Policy of a family and the childhood in post-socialism [Politika sem'i i detstva v postsotsializme]. M.: JSC Variant: CSPGR [OOO «Variant»: TsSPGI], 2014. 283 p. (rus).
27. *Juvenile justice: pro et contra?* [Yuvenal'naya yustitsiya: za ili protiv?]. Shorthand report of online conference. Novosibirsk, on January 28, 2010 // Questions of Juvenile Justice [Voprosy yuvenal'noi yustitsii]. 2010. N 3 (29). (rus).
28. *Juvenile Justice: project essence* [Yuvenal'naya Yustitsiya: sut' proekta]. M.: Conceptua [Konseptual], 2011. (rus).

29. *Juvenile technologies* [Yuvenal'nye tekhnologii]. M.: Russian charity foundation NAN [Rossiiskii blagotvoritel'nyi fond NAN], 2002. (rus).
30. Edvardsson B. *Factors in investigative communication with children*. 2009. P. 1. What are the basic problems? URL: <http://oru.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:228065> (дата обращения: 09.12.2013).
31. Hardt G.A. *Observations on the training of social workers*. 1958. [http://www.nkmr.org/english/observations on the training of social workers.htm](http://www.nkmr.org/english/observations%20on%20the%20training%20of%20social%20workers.htm) (дата обращения: 09.12.2013).
32. Madison B.D. *Social Welfare in the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press, 1988.
33. Stilo Simona A. et al. *Social disadvantage: Cause or Advance Access published October 22, 2012*.
34. Tyrka Audrey R. et al. *Childhood Adversity and Epigenetic Modulation of the Leukocyte Glucocorticoid receptor: Preliminary Findings in Healthy Adults*. Plos One 7 (1) e30148, 2012.